

БЕРГАМСКАЯ СЮИТА

Приглашение к путешествию

*Владимиру Софроницкому:
In memoriam*

*Где ты, о край, что сердцу мил...
"Скиталец" Шуберга*

По пути из Вероны в Милан, но несколько в стороне от основной железнодорожной магистрали, связывающей Венецию со столицей Ломбардии, лежит старинный итальянский город Бérгамо. Я мало что знал о нем до того, как впервые побывал там в 1997 году, и "имя местности" (Пруст) в первую очередь связывалось с пленительной "Бергамской сюитой" "гениального Клода", как именуют его французы, - Дебюсси. И вот субботним июльским утром прошлого года мой итальянский знакомец, у которого я гостил в Модене, Луиджи, или Луи, Мауро, итальянец почти без капли итальянской крови, "мавр", "арап", "Борджа", как я его называл (в последнем случае ввиду очевидного сходства с портретом Чезаре, герцога Валентино), смешав все мои планы (была намечена Падуя), предложил отправиться в автомобиле его друга Даньеле в расположенный на приличном расстоянии от Модены Бергамо. Я очень люблю неожиданные "повороты винта" и с ходу согласился. У Даньеле, коммуниста, как он себя рекомендовал, "красавчика", "жиголо", как я его прозвал про себя, было в Бергамо любовное свидание, и ему очень хотелось сэкономить на бензине, поделив расходы на троих. Правил он первоклассно, и хотя, как истый итальянец, неся по их автострадам с какой-то из космических скоростей, страха не было ни на мгновение (я физически чувствую "хватку" - пианиста, шофера ли). Только мелькали, как в машине времени, знакомые по школьному и университетскому курсам истории средних веков (историю до Хрущева преподавали хорошо) Кремона, Брешия и другие свидетели итальянского былого и вместилища современной итальянской жизни, тысячами нитей связанной с еще античным прошлым.

Выехав около полудня, к концу съезды мы были уже в Бергамо. До свидания с подружкой у красавчика-коммуниста оставалось часа два-три, и он стал нашим гидом по городу, где уже бывал. Оказалось, что города, собственно, два. Один - "нижний", новый, с XVIII столетия, другой - верхний, "Вышгород", средневековый, живописно расположенный на горе, относящейся к предгорьям итальянских Альп. Основные архитектурные достопримечательности в "Вышгороде", но и низший город обладает немалым шармом, и "Паоло" Муратов в своих "Образах Италии", пользующихся у русского читателя непомерным кредитом, глубоко не прав, отказывая ему в нем: если с прищуром смотреть на некоторые помпезности времени итальянского грюндерства, то в остальном город фешенебелен, местами даже элегантен элегантностью хороших парижских кварталов. Мы начали с верхнего города, осмотрев практически все его достопримечательности - крепость, храмы, гражданские здания. Не удалось побывать только в мемориальном музее "божественного Гаэтана" (Бергамо - родина Доницетти, и в местном оперном театре его имени постоянно идет ряд его, подчас исчезнувших из современного репертуара мелодрам). В целом я равнодушен к готике, от которой западной архитектуре с грехом пополам удалось избавиться только к XVI веку (но не успел ей сломать шею Палладио, как метастазы ее вынырнули в барокко), поэтому, естественно, наибольшее восхищение у меня вызвала романская в своей основе церковь Санта Мария Маджоре, восходящая к XII столетию, место последнего упокоения автора "Лючии", "Линды" и "Лукреции Борджа".

Когда осмотр верхнего города был закончен и красавчик Даньеле полетел к своей отраде, в нижнем городе, кроме шатания по улицам, делать было нечего: прославленная пинакотекка Академии художеств Каррара была уже закрыта. Пришлось отложить ее посещение на будущее.

Оно пришло довольно быстро. Этим июлем я на две недели загостился в Милане между приобретением билета на давно вожделенную "Лукрецию Борджа" в Ла Скала и ее представлением, выезжал на несколько дней в Падую ("джоттовско-прустовское паломничество"), в местечко Аркуа, где прошли последние годы жизни Петрарки и где прах его покоится в античном саркофаге на церковной площади, и, преодолев известные трудности (дни работы пинакотеки были, совсем как в России, заменены против указаний всех путеводителей - пришлось ездить и тратиться на проезд дважды), посетил, наконец, Accademia Carrara.

Нет необходимости подробно перечислять сокровища пинакотеки - для этого есть путеводители. Достаточно упомянуть, что в ней находятся такие всемирно известные шедевры, как "Портрет Лионелло д'Эсте" Пизанелло, "Богоматерь с Младенцем" Якопо Беллини, "Предание о Виргинии Римлянке" и "Портрет Джульиано Медичи" Боттичелли, "Св. Севастиан" Рафаэля (почти все из коллекции замечательного искусствоведа XIX века Джованни Морелли, избравшего себе русский псевдоним Иван Лермольев). Среди них не теряется и "портрет" моего моденского "мавра" - единственное живописное изображение Чезаре Борджа сразу же обращает на себя внимание в одной из зал. Славится пинакотека также и весьма представительным собранием картин Лоренцо Лотто (употребляя слово "картина", не следует забывать о том, что в старой западной живописи картины с религиозной тематикой, как правило, являются тем, что в православном мире называется "образом", или "иконой"). И в этом году Академия Каррара организовала международную выставку произведений Лоренцо Лотто, собрав на ней почти все сохранившееся его творчество как из Италии, так и из-за ее пределов.

Выставку назвали "Лоренцо Лотто - беспокойный гений Возрождения". Беспокойный? Скорее всего, по части причинения хлопот искусствоведам, начиная с праотца их современной породы - Бернарда Беренсона (1865-1959), посвятившего Лотто свою первую капитальную работу (1895). Такие художники, как Лотто в эпоху зрелого Ренессанса или, скажем, Сапунов в годы русского, а Моранди итальянского модернизма, обезоруживают знаточески-формальное искусствование: ему нечего сказать о них по существу, любой формальный анализ их картин, любые сопоставления с предшественниками и современниками не характеризуют того нового мира, который открыли нам их глаза и их ремесло. Не случайно следующий в фарватере Беренсона "эстетствующий журналист" (бессмертное выражение историка древнерусского искусства профессора А. И. Некрасова) Муратов в отдельной главе о Бергамо выдает Лотто краткую суммарную, ни к чему не обязывающую характеристику (чего еще ждать от литератора, считавшего гением Кончаловского!), уклонившись от разбора хотя бы одной конкретной работы и посвятив почти всю главу апологии Беренсона и Вельфлина. "Вечно неровный и неожиданный, одинокий и в то же время легко заражающийся от искусства других, беспомощный, восхитительный, расхолаживающий, выходящий вперед из своей эпохи и вдруг далеко отстающий от нее" - ничто в этих словах Муратова не вызывает возражения, кроме "отставания от эпохи", но сказать только это о Лотто значит не сказать ничего.

В Лотто поражает, прежде всего, исключительная верность себе, питающаяся подлинным религиозным чувством художника. Именно это ставит его особняком среди секуляризованной, обмирщенной религиозной живописи венецианской школы XVI столетия. Если о Тициане в таких вещах, как "Вознесение Богоматери" из венецианского Фрари или "Петр-Мученик", можно говорить как о религиозном живописце не по внешности, а по существу, то тщетно искать религиозное чувство в полотнах Веронезе и подчас Тинторетто, при всех их прочих, порой исключительных достоинствах; иногда это пренебрежение к содержанию сюжетов из Священной истории принимало просто скандальные формы даже для распушенной Венеции, и в дело волей-неволей вмешивалась инквизиция, потребовавшая у Веронезе объяснений по поводу сюжетных вольностей в его "Пире в доме Левия". Выкормыш венецианской школы, Лотто почти сразу стал в оппозицию к утверждавшемуся в ней в XVI веке поверхностному, с налетом тривиальности, гедонизму, уклоном в сторону

решения чисто живописных задач, гегемонией цветоплеки и "валёра", забвением экспрессии локального цвета, контура, того, чем прославили Венецию гениальные Карпаччо и Якопо Беллини. Недаром учителем Лотто был Альвизе Виварини, спиритуалист и истовый последователь в Венеции южанина Антонелло из Мессины, одним из первых творчески освоившего достижения мастеров североевропейских школ, в первую голову Яна Ван Эйка. Большое воздействие на художественную впечатлительность молодого Лотто (он родился около 1480 г.) произвел Дюрер (великий нюрнбержец побывал в Венеции в 1507 г.), но, видимо, Лотто знал работы и других немецких мастеров; трудно отделаться от впечатления, что ему была незнакома цветовая гамма Альтдорфера, если иметь в виду такие его вещи, как "Дунай возле Регенсбурга" и "Св. Георгий" (обе в Старой пинакотеке Мюнхена). Но главное, конечно, не те или прямые воздействия северных школ, адохнувший на Лотто дух серьезности, святой простоты, наивной и непоколебимой веры и той подлинной творческой свободы, которая не нуждается в указаниях зрителю на достигнутую художником степень совершенства. Нельзя сказать, чтобы творчество Лотто претерпело существенную эволюцию: он всю жизнь, по Прусту, писал одну книгу или, как Корто и Софроницкий, играл одну и ту же музыку - свою. Разнообразие его творчества более жанровое, чем стилистическое, да и то, пожалуй, его портреты вызваны к жизни скорее потребностями времени, не знавшего фотографии, чем его внутренними склонностями. Конечно, среди них есть подлинные шедевры, как "Портрет Андреа Одони" (1527, Хэмптон Корт, собрание Ее Величества Елизаветы II королевы Великобритании) и особенно "Женский портрет" ("Лукреция") из лондонской Национальной галереи, в котором равновесие декоративного и валёрного начал отмечено той божественной гармонией, которая предвосхищает (и превосходит) лучшие из аналогичных вещей Караваджо и Жоржа де Латура. Но портреты не отвлекали Лотто от главного дела его жизни - религиозной живописи, и ему не приходилось, как "многим славным", с горечью повторять, что он "портретный".

Лоренцо Лотто. Мистическое обручение св. Катарины

Большая часть творческой жизни Лотто прошла вне Венеции; видимо, он недолюбливал этот гедонистически-упадочный город, как и тот его. Он жил и работал в

Тревизо, Реканати, Риме, Анконе, Лорето. Особенно счастливым и плодотворным было его пребывание в Бергамо (1513 - 1528), где им были написаны фрески и алтарные образа ряда городских и окрестных церквей. Здесь откристаллизовался его собственный стиль, характеризующийся необычно смелым, порой дерзким цветосопоставлением (различные по тону контрапосты локальных красного и зеленого, сделавшие бы честь самому Дюреру) - таково, прежде всего, "Рождество Христово" из Национальной галереи искусства в Вашингтоне. Опирается этот стиль на визионерский склад натуры художника: он не только верит в то, что изображает, но оно предстает ему с достоверностью ярких сновидений или явлений святым угодникам. Лотто один из немногих подлинных визионеров мировой живописи, таких как Шагал в своих лучших, русского периода вещах, как замечательный русский религиозный живописец первой половины XIX века Николай Ломтёв. Это не выдумщики и "штукари" из породы Пармиджанино, Тернера, Арчимбольдо. Порой говорят о маньеризме Лотто. Пустое! Маньеризм "по определению" манерен, искусствен, неестествен, как правило, пользуется немалым "успехом", особенно в художественной провинции (вспомним триумфы Арчимбольдо при пражском дворе императора Рудольфа II).

Лотто оставался "живым и только до конца", особенного "успеха" после Бергамо и возвращения в Венецию не имел, умер около 1557 года, несколько пережив свое время, светским членом монастырского братства в Лорето. Сейчас, пять столетий спустя после его рождения, о нем напомнила выставка, проходившая с 2 апреля по 28 июня и продленная затем по 19 июля (в выходные дни - случай исключительный для Италии! - работавшая с утра и до половины одиннадцатого вечера).

Являемся ли мы свидетелями рождения новой художественной репутации, открытия "нового" имени в истории искусства - подобно "открытию" в свое время Эль Греко и Вермеера? Вряд ли. Нечего делать с Лотто современной "ярмарке на площади": он никого "не принимал в сыновья" и тем более "не спускался с Синая". Но тот, для кого что-то значат слова "честность искусства", "подлинность вдохновения", "искренность веры", обязательно совершит паломничество в Бергамо: выставка закрылась, но многие экспонаты вернулись на свои места в пинакотеку и Бергамские церкви, в которых сохранились также фрески Мастера (я пишу намеренно с большой буквы: уж он-то "мастер, мастер", можете не сомневаться). И панорама из Вышгорода, открывавшаяся Доницетти и Дебюсси, тоже чего-то стоит.